

ВЛАДИМИР МАЛИНОВСКИЙ

СДОБНАЯ БАБА

Сан Саныч Мармеладов ехал в троллейбусе, держа на коленях Киевский торт. На улице было мокро, сыро и слякотно: стояла промозглая поздняя осень. Зато в салоне троллейбуса было сухо, уютно, тепло. И эта уютная теплота была чрезвычайно приятна продрогшему на троллейбусной остановке Сан Санычу и действовала на него расслабляюще.

Время от времени троллейбус, в котором ехал Сан Саныч, останавливался и раздавалось змеиное шипение открывающихся дверей. В зияющий ночной темнотой проем тянуло уличной сыростью. Казалось, ее с собой приносили входящие в салон пассажиры. И Мармеладов, словно кот, пригревшийся у батареи центрального отопления, дремотно щурил глаза на появляющихся из промозглой ночи людей, которые оттирали лицо от холодных капель дождя.

Очередное шипение. Вновь кто-то вышел и кто-то вошел. Сан Саныч клюнул носом в такт тронувшемуся троллейбусу и вдруг услышал приятно и нежно волнующий женский бас, к кому-то, по-видимому, обращавшийся: «Простите, у вас здесь не занято?»

Дремота настолько сковала Сан Саныча, что ему было лень даже поднять голову, чтобы взглянуть, к кому относится этот вопрос. Он промолчал, а промолчав, вдруг почувствовал, что на него навалилось что-то мягкое, теплое и ... очень приятное. Глаза Мармеладова на мгновение раскрылись и скозились налево – на то самое мягкое, теплое,

что к нему так приятно прижалось. Бок о бок с Сан Санычем сидела здоровенная СДОБНАЯ баба, одетая в легкий цветной сарафан, что было совсем уж не по погоде. Однако последнее, как ни странно, не удивило Сан Саныча, а скорее обрадовало, поскольку в сарафане он мог рассмотреть незнакомку значительно лучше, чем если бы на ней был осенний глухой, непромокаемый плащ.

Тут нужно отметить, что сам Мармеладов был человеком мелким, щуплым и дробным. Возможно, поэтому ему нравились женщины крупного склада. И что тут скрывать: хотя сидеть вдавленным в сдобное тело соседки было не очень удобно, однако Сан Санычу подобное положение нравилось. Ему было по душе это мягкое, доброе тело, в которое он буквально впаялся. Сан Санычу было очень приятно исходящее от этого тела тепло, и даже явственно слышимый запах бабьей подмышки, которая волею случая оказалась у него едва ль не под носом, ему был и вкусен, и сладок.

Меж тем сонливость у Мармеладова как-то очень быстро прошла. Глаза его обострились и начали исподволь, крадучись исследовать незнакомку, однако не очень обычно: не сверху вниз, начиная с лица, а снизу, с выступающих из-под сарафана коленей.

Колени были округлыми, гладкими и на вид бархатистыми. Сан Санычу чертовски хотелось потрогать их. Вслед за коленями взгляд его двинулся выше, на бедра, которые были плотно схвачены тканью с цветами. Бедрa у бабы оказались широкими, мощными и, как показалось Сан Санычу, очень красивыми. На бюсте соседки взгляд Мармеладова задержался чуть дольше. Бюст в общем и целом состоял

из двух арбузных грудей, так сильно, неудержимо распирающих сарафан, что Мармеладов искренне удивился: как это такая легкая ткань под их напором не лопнет. А следом за бюстом шли мощные плечи, но... не мужичьи, а бабьи. Уж черт их знает, как они так различаются, но сразу видно, что бабьи. А далее шея-колонна, но нежная, белая и, в общем, такая, которую хочется пощекотать и погладить.

Сан Саныч поднял глаза выше, и тут его точно током прожгло: с румяного лица сдобной бабы ему улыбались лукавые глаза-васильки.

– Скажите, – внезапно раскрылись полные, сочные губы соседки, – это третий троллейбус?

Троллейбус был не третий, а пятый, однако Сан Санычу так не хотелось, чтобы незнакомка ушла, что он без зазрения совести тут же соврал, но почему-то не на русском, родном и в доску знакомом, а на французском, которого он никогда не учил и не знал:

– Уи, медам, – и тут же, скосив глаза в сторону бабы, добавил на русском вопиющую наглость и глупость: – Позвольте, мадам, я у вас под мышкой понюхаю?

Тут бабе-то возмутиться бы и заорать что-то вроде: «Вы что это, гражданин, хамите в общественном транспорте!» Однако лицо незнакомки неожиданно расплылось в добрейшей улыбке:

– Так нюхай, дурак, пока добрая, – и баба, подняв окороковую руку, распахнула подмышку.

Сан Саныч лицом рванулся в сладкий кратер подмышки, однако внезапно почувствовал, что носом ударился обо что-то твердо-железное, и тут же его слух поразил возмущенный голос супруги Галины Арнольдовны: «Александр! Ты что себе позволяешь! Ты видишь, в конце концов, что я сплю!»

Сан Саныч мгновенно очнулся от сладкого забытья и тут же сообразил, что лежит на семейной двуспальной кровати и носом уткнулся в железные ребра жены.

Очувствовавшись, Мармеладов отполз на противоположный край огромной кровати, свернулся калачиком и снова прикрыл глаза, желая вернуться к троллейбусной незнакомке. Однако увы: сон оставил его, а сдобная баба исчезла. Тогда Мармеладов начал ворочаться, желая принять некое «сонное» положение, но... замер, внезапно почувствовав стальное прикосновение ребер супруги.

– Ну ладно, – произнесла Галина Арнольдовна голосом не то чтобы томным, но более снисходительным к слабости мужа. – Иди уж, теперь всё равно разбудил...

Сан Саныч повиновался ее властному зову. Так мелкий мальчишка повинуется строгой классной наставнице.

ДИВНЫЙ ТОРТ

На следующее утро Мармеладов проснулся от прикосновения к нему чего-то холодного и не очень приятного. Он тотчас раскрыл глаза и увидел расплывшееся в улыбке, слегка желтоватое, но от этого не менее симпатичное лицо своей супруги Галины Арнольдовны.

– И что это ты сегодня ночью надумал? – спросила она, игриво сощурилась. – Что, может быть, я тебе даже приснилась?

– Нет! – ответ прозвучал отрывисто-резко, как будто Сан Саныч отвечал не жене, а армейскому командиру. Не хватало только слова «никак».

– Конечно, от тебя разве ласкового слова дождешься, – улыбка на лице Галины Арнольдовны вмиг полиняла. – Ты знаешь хотя бы, сегодня день-то какой?

– Ну да. Понедельник, – на этот раз Мармеладов был не очень уверен.

– Какой понедельник! – в голосе супруги звучала безнадежная грусть. – Сегодня у меня именины! Ты торт хотя бы купил для любимой жены.

Сан Саныч молча глянул в окно. На улице было неприятно и гадко. Порывистый ветер рвал жухлую листву с полуголых деревьев, сек лица редких прохожих холодным дождем с ледяною крупой. Стояла промозглая поздняя осень. «Какой к черту торт! В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит!» – невольно подумалось Мармеладову. Но тут же ему вспомнились удивительный сон и чудная сдобная баба. «Во сне была точно такая же мерзость на улице. Такая же точно... А что если вдруг! – сквозь низкие, серые, свинцовые тучи как будто луч солнца пробился к Сан Санычу: – А что если вдруг ему повезет и он ненароком сегодня встретит сдобную бабу из сна!»

Сказать, что Сан Саныч был сумасшедшим, было нельзя. Скорее он быстро, а главное, с удовольствием им становился. Конечно, он хорошо понимал, что поиск незнакомки из сна – это блажь, а может быть, даже игра, но эта игра его увлекала всё больше и больше. Она для него как

бы превращалась в реальность.

– Да, хорошо. Я за тортом схожу, – Сан Саныч вдруг улыбнулся супруге.

Галина Арнольдовна удивленно на него посмотрела:

– Да будет тебе. Конечно же, я пошутила. В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит.

– Нет-нет! Я схожу! – Сан Саныч мечтательно глянул в окно. – Схожу и куплю тебе торт.

Галина Арнольдовна посмотрела на мужа почти что влюбленно:

– Ну хорошо, прогуляйся. Но только теплее оденься. И вот что, – она улыбнулась, – купи себе несколько твоих любимых безе. Пусть праздник у тебя будет тоже.

Сан Саныч, выйдя из дома, с большим удовольствием убедился, что погода действительно была отвратительной. Он не спеша прошел к остановке и стал с наслаждением зябнуть под мелким холодным дождем. Озяб. А тут и подъехал пятый троллейбус. Восприняв как должное появление «пятого», Сан Саныч вошел в него и снова почувствовал, что всё «как во сне»: в салоне троллейбуса было тепло и уютно.

С комфортом устроившись на заднем сиденье, Мармеладов попытался вздремнуть, но тут-то действительность впервые стала различаться со сном. На остановках его отвлекали входящие в салон пассажиры. Сан Саныч упорно отыскивал в них сдобную бабу, но сдобная баба упорно не появлялась. Тогда он стал просто смотреть в окно. Он долго смотрел

на мокрый асфальт тротуаров и на бегущих от непогоды промокших прохожих, но всё было без толку: место рядом с ним пустовало. Отчаявшись, Мармеладов решил было уже выходить из троллейбуса, когда вдруг почувствовал, что рядом с ним кто-то сел. Как будто бы ток пробежал по телу Сан Саныча. Он замер, затем скосил глаза вбок со слабой надеждой увидеть незнакомку из сна и тут же вскочил как ошпаренный: с ним рядом сидела... Галина Арнольдовна!

Соседка удивленно воззрилась на Мармеладова. Тот в свою очередь смотрел на нее ошалело: «Да, это была не жена. Но черт! До чего же похожа!»

– Позвольте я выйду! – отрывисто произнес Мармеладов, желая оправдать свое резкое телодвижение.

– Да-да! Конечно! Пожалуйста! – ответила незнакомка с поспешностью, в которой сквозила даже нотка испуга.

И снова Сан Саныча поразило, насколько голос соседки был похож на голос жены. Он быстро прошел к передним дверям и, выдержав паузу, еще раз взглянул на даму, удивительно схожую с Галиной Арнольдовой: «Да нет, не она. Но до чего же похожа. И даже вот эта шапочка, куртка... Конечно, лицо».

Сан Саныч был так поражен этим удивительным сходством, что, совершенно забыв о приличиях, буквально пожирал незнакомку глазами. Та, очевидно, приняла его беспардонное разглядывание за знак внимания и неожиданно ему улыбнулась. Рот-щель растянулся, обнажив злые тонкие губы, и дама еще больше стала похожа на Галину

Арнольдовну. Сан Саныч так резко от нее отвернулся, что едва не свихнул себе шею. На его счастье, дверь троллейбуса в этот момент отворилась, и он, точно пуля, вылетел вон из салона.

Троллейбус уехал, а Мармеладов еще долгое время одурело смотрел ему вслед. Когда он наконец пришел в себя и оглянулся, буквально рядом с собой увидел кондитерскую, к которой привел его случай.

Пройдя пять шагов, Мармеладов толкнул разрисованную пирожными дверь и тут же остолбенело уставился на витрину, набитую всякого рода тортами. «Какой он всё же дурак! Во сне, когда сдобная баба под села к нему, у него на коленях был Киевский торт! Без торта с ним рядом могла сесть только вторая Галина Арнольдовна!»

– Вам чем-то помочь, молодой человек? – к застывшему и, вообще-то, уже не очень молодому Сан Санычу обратилась остроносая пигалица в красивом халатике, рисунком напоминающем дверь при входе в кондитерскую.

– Да! – вышел из столбняка Мармеладов. – Пожалуйста, дайте мне Киевский торт.

– Но Киевские уже разобрали, – вся пигалица от скудных волос до кончиков ярких длинных ногтей изображала презрение, как будто бы Мармеладов у нее попросил черт знает что.

– Один вроде есть, – другая продавщица смотрела на Мармеладова большими глазами доброй коровы. – Он заказной, но его почему-то не взяли.

– Давайте-давайте! – Сан Саныч с готовностью закивал головой.

Без промедления продавщица с большими глазами скрылась в подсобке, но вскоре вернулась с огромной круглой коробкой, в которой свободно могло поместиться колесо от малолитражки.

– Торт дорогой, – она вопросительно посмотрела на покупателя.

– Беру! – Мармеладов взмахнул заливчатски рукой, дескать, ему, добру молодцу, всё нипочем.

– Но, может быть, вы его всё же посмотрите, – большие глаза доброй продавщицы как-то странно моргнули.

– Ирина! – не выдержав, оборвала ее остроносая пигалица. – Мужчина берет! Тебе-то что надо?! Пройдите, пожалуйста, к кассе, молодой человек! – скомандовала она Мармеладову.

Сан Саныч послушно проследовал к кассе.

После кондитерской Мармеладов сел на пятый троллейбус и, водрузив себе на колени громаднейший торт, поехал черт знает куда – лишь бы ехать. Сейчас он был в полной уверенности, что на такую приманку уж точно клюнет вожденная баба из сна.

В троллейбусе он задремал, что у него совершенно не получалось без торта. Так, в сладкой дреме Сан Саныч всё ехал и ехал, пока не почувствовал, что сбоку от него просело сиденье. Он приоткрыл свои полусонные глазки и... тут же распахнул их до пределов возможного: с ним рядом сидела пышная, сдобная баба с румянцем, который зарею заливал ее полные щеки. Правда, колени у бабы были прикрыты

плащом. Зато тот же плащ бугрился от бюста розовощекой соседки. Арбузность груди ее превышала все сонные грезы Сан Саныча. «Да, надо же какая она пышечка!» – мелькнуло в голове у него.

Он поднял свой взгляд еще выше и встретил лукавые большие глаза, которые, правда, были не синими, а скорее зелеными.

– Какой у вас удивительный торт, – как роза, раскрылись напомажено-алые губки соседки. – Наверное, вы купили его для своей любимой жены? Я бы тоже хотела такой.

И тут Мармеладова точно бес толкнул под ребро. Иначе дальнейшие его действия объяснить невозможно.

– Возьмите! Он ваш! Я искал такую, как вы! – воскликнул он и, переложив торт на колени соседки, ничтоже сумняшися, тут же представился: – Меня зовут Саша.

– Что ж, Люба... – огорошено ответила дама.

Какое-то время зеленоглазая Люба изумленно взирала на Мармеладова, по-видимому, желая понять, не пьян ли он и в своем ли уме, затем неожиданно звонко расхохоталась.

– Ты видишь, Саша, – отхохотавшись, она почему-то подняла глаза свои вверх: – Меня искали, чтобы подарить этот торт. А ты вот нашел и не ценишь. Сейчас обещай, что купишь мне точно такой же, иначе развод и забвение.

Недоумевая, Сан Саныч тоже поднял глаза и... обомлел. Рядом с его краснощекой соседкой стоял и презрительно смотрел на него какой-то

здоровенный мужик.

– Да ладно, куплю, – снисходительным басом ответил даме мужик, однако обращаясь при этом не к ней, а к Мармеладову.

Сан Саныч в момент покраснел, вскочил как ошпаренный и, подхватив у дамы с коленей свой торт, поспешно направился к выходу. В квартире он был уже через двадцать минут.

– Ты где это пропадал, Александр? – Галина Арнольдовна встретила мужа вся в нервах.

– Искал тебе торт, – просто ответил Сан Саныч и протянул раздраженной жене картонное колесо от машины.

– Но почему он такой большой?! – Галина Арнольдовна даже забыла про свой гнев на супруга.

– Он точно такой же, как и моя любовь к тебе, дорогая, – соврал Мармеладов, сам удивляясь своей изворотливости.

Лицо у Галины Арнольдовны смягчилось улыбкой:

– Ну что ж, раздевайся. Сейчас с этим тортом мы чаю попьем.

И она понесла картонку на кухню.

Сан Саныч не торопясь снял с себя куртку и начал уже разуваться, как вдруг его слух поразил дикий вопль Галины Арнольдовны. В одном ботинке, как был, Мармеладов помчался на кухню. Влетев туда, он прежде всего увидел жену: она стояла, застыв, точно статуя, перед раскрытой коробкой с тортом. На желтом лице ее горели красные пятна, такие же яркие, как вензельная надпись на торте: «Моей пышечке

Любе!»

КРУГЛЫЙ ДУРАК

Галина Арнольдовна повторила тот страшный глотательно-сдавленный звук, который так поразил Мармеладова, и глухо произнесла, уперев указующий перст в красный вензель:

– Это что, Александр?!

Однако Сан Саныч словно воды в рот набрал, и только лицо его принимало такой же каленый оттенок, как у супруги.

Меж тем Галина Арнольдовна, которая всё это время внимательно-изучающе смотрела на мужа, хотя очень медленно, но вновь становилась обычной, слегка желтоватой.

– Ты... торт хотя бы смотрел? – спросила она наконец Мармеладова.

Сан Саныч, теперь уже раскаленный, как сталевар у плавильной печи, лишь отрицательно покачал головой.

– Я всё поняла, – вздохнула Галина Арнольдовна с безнадежной грустью. – Мы сейчас едем в кондитерскую.

Вспотевший от напряжения Мармеладов покорно заковылял в одном ботинке в прихожую.

И снова, в который раз в этот день, Сан Саныч заходил в злополучный пятый троллейбус, на этот раз вместе со своей законной супругой. Он скромно присел на сиденье возле окошка, водрузив торт себе на колени. Галина Арнольдовна пошла за билетами – после истории с тортом она не доверяла супругу даже подобную мелочь.

Понуро и вяло Мармеладов смотрел сквозь окно на осеннюю серость, когда вдруг сиденье рядом с ним тяжело заскрипело, как будто приняв на себя непосильную ношу. Сан Саныч удивленно повернул голову вправо: с ним рядом сидела бородатая туша. У туши были смехотворно короткие ноги и несоразмерное ногам массивное туловище. И в общем и целом сосед напоминал Мармеладову ходячий объемистый шкаф. Меж тем бородатая туша обратила внимание на картонное колесо на коленях Сан Саныча.

– Какой дивный торт! – неожиданно гусем прогоготал шкафообразный сосед, и жирный кадык у него глотательно дернулся. – Вы для себя или для лучших друзей?

Произнеся это, туша так навалилась на дробного Мармеладова, что тот буквально вплющился в стенку троллейбуса. В момент Мармеладов возненавидел это тяжелое наглое тело, которое теперь не давало ему ни жить, ни дышать. Он попытался пошевелиться, но жирная туша крепко держала его в западне. Сан Саныч смешался, не зная, что предпринять, но вдруг услышал спасительный голос супруги:

– Да, торт предназначен для лучших друзей. И друг этот – я. А значит, и место, на котором вы сидите, мое. Соблаговолите пересесть на другое.

И тут же – о чудо! – Сан Саныч почувствовал, что натиск тяжелого тела ослаб. Наглый сосед быстро отлипал от него.

– Но мне не сказали, что место здесь занято, – обиженно прогоготала необъятная туша.

Но тут уже Мармеладов, чувствуя поддержку супруги, сам пошел в

наступление.

– А вы ни у кого и не спрашивали, – сказал он, брезгливо отодвигаясь от туши.

– Ну хорошо. Я пересяду, – передвигая короткие ноги, ходячий шкаф отправился в дальний угол салона.

– Что за невежа! – произнесла Галина Арнольдовна, с достоинством занимая освобожденное «невежою» место.

– Хам! – подтвердил Мармеладов и с благодарностью посмотрел на супругу.

В кондитерской за красивой витриной стояла добрая продавщица с большими глазами. Заметив Сан Саныча, она улыбнулась. Однако при виде громадного торта, который он нес в руке на отлете, лицо продавщицы стало тревожным.

– Позвольте вам, ДЕВУШКА, вернуть этот торт, – высокомерно произнесла Галина Арнольдовна и сделала знак Мармеладову, который незамедлительно водрузил громаднейший торт на прилавок.

– Вообще-то, мы товар назад не берем, – большие глаза продавщицы скользнули по тарту и стыдливо вильнули.

Галина Арнольдовна уничижительно на нее посмотрела и собиралась, по всей вероятности, ей возразить, но тут из подсобки, как собака из будки, вдруг выскочила остроносая пигалица и сходу залаяла на всю кондитерскую:

– Да, верно! Назад мы товар не берем! Тем более этот торт заказной! –

и сразу же, сменив агрессивный тон на нарочито спокойный, прибавила, насмешливо глядя на худущую Галину Арнольдовну: – Там надпись на торте: «Моей пышечке Любе!» Это не наши проблемы, если «пышечке Любе» торт не понравился.

Галина Арнольдовна лишь презрительно усмехнулась:

– Это, по-вашему, я похожа на пышечку Любу?! Мой муж, – она театрально указала на Мармеладова, – покупал этот торт для меня! А вы подсунули ему заказной!

И тут же, не давая опомниться пигалице, она повернулась к продавщице с глазами доброй коровы:

– Сегодня я закажу у вас торт, а оплачу его завтра.

– На заказные у нас предоплата. Сегодня оплачиваете – завтра вам торт, – заученно отбарабанила добрая продавщица.

– Ах, вот как! – деланно удивилась Галина Арнольдовна. – Выходит, что этот огромный торт вы сделали за пару минут! Вот чек! – как козырный туз, она бросила чек на прилавок. – Торт куплен сегодня! Назад всего час с небольшим!

Тут остроносая пигалица потемнела, как туча. Казалось, вот-вот и грянет гроза. Однако грозы на этот раз не случилось: вдруг тучи развеялись, у пигалицы появилась улыбка, от вида которой добрая продавщица поежилась.

– Возьмите ваш торт и пройдите, пожалуйста, к кассе, – подчеркнуто вежливо пигалица обратилась к Галине Арнольдовне.

Супруги из кондитерской вышли едва ль не под ручку, а самое главное, в полном душевном согласии. Однако, когда они снова стояли на троллейбусной остановке, Галину Арнольдовну словно черт в бок толкнул. Она вдруг взглянула на Мармеладова и с безнадежностью в голосе произнесла:

– Как говорил мой отец, весь толк из тебя уже вышел. Осталась одна только бестолочь. Купить торт не глядя может только круглый дурак.

В этот момент подъехал троллейбус. Галина Арнольдовна в него и вошла. А Мармеладов... даже не сдвинулся с места.

– Ты что, собираешься здесь ночевать? – уже из салона Галина Арнольдовна удивленно спросила супруга.

Сан Саныч заторможенно шагнул на подножку троллейбуса и... оказался едва не придавленным дверью.

АРТ-ОБЪЕКТ

Об именинах Галина Арнольдовна в этот вечер больше не вспоминала. Однако она теперь как бы не замечала присутствия мужа, как будто в квартире его вовсе и не было. Сам Мармеладов понимал, что из-за истории с тортом он сильно проштрафился, и потому вел себя даже скромнее обычного. Но вечер прошел, а ночью Сан Санычу снова приснилась сдобная баба.

Баба была хороша, еще лучше, чем прежде: с арбузной грудью и розовой кожей, как будто подсвеченной солнцем. А на ее округлых и гладких коленях красовался громаднейший торт, тот самый Киевский торт, что Мармеладов покупал для нее! О чем они говорили, Сан Саныч

не помнил, но он почему-то отлично помнил и знал, что сдобную бабу его именуют Любашей и что глаза у нее лучистые, синие, а не лукаво-зеленые, как у вчерашней Любы в троллейбусе.

Однако и в этот раз чудесный сон Мармеладова был прерван насколько жестоко, настолько и подло. Когда он, желая познакомиться ближе, попытался Любашу обнять, вместо ожидаемого роскошного бюста любимой ему вмялись в грудь мелкоскопические титьки Галины Арнольдовны.

– Иди же сюда... – ласковым удавом прошипела она, – я тоже всё думаю, может быть, я была с тобой слишком строга из-за этого торта. Иди же! Я жду! Ты идешь или нет?

И вновь Мармеладов оказался в стальных объятьях супруги.

Наутро Галина Арнольдовна была какой-то задумчивой и как бы слегка даже не от мира сего. Отсутствующим взглядом она смотрела мимо Сан Саныча, который пил свой обычный утренний кофе. Однако, закончив свой завтрак, Галина Арнольдовна улыбнулась супругу:

– Ты, Александр, просто какой-то сексуальный маньяк. Возможно, ты объяснишь, что с тобой происходит?

– Совсем ничего, – смиренно ответил Сан Саныч, однако глаза его как-то странно вильнули.

– Ну-ну, – какое-то время Галина Арнольдовна изучающе смотрела на мужа, после чего изрекла, как бы обращаясь больше к себе, чем к нему:

– Ты знаешь что, Александр... Пожалуй, сегодня мы с тобой сходим в

арт-галерею. Я думаю, что после истории с тортом это будет полезно и мне, и тебе.

Лицо Мармеладова омрачила внезапная тучка, но... тут же оно прояснилось:

– А может быть, Галочка, мы лучше сходим в кино?

– Ну нет, Александр, – на этот раз голос Галины Арнольдовны был тверд, как железо, – неужто ты хочешь смотреть какую-нибудь пошлость на сексуальную тему? – Она помолчала, но вдруг неожиданно улыбнулась:

– Чтоб снова будить меня по ночам. Нет, никакого кино! Я ночью хочу спать спокойно. Сегодня мы будем наслаждаться высоким искусством модерна.

При слове «модерн» Сан Саныча слегка передернуло. В отличие от супруги, он не переносил ультрасовременных направлений в искусстве. Художники-модернисты ему представлялись сумасшедшими или мошенниками. Однажды по этому поводу Мармеладов даже подшутил над женой.

На кухонный стол он водрузил золоченую раму от старой картины. А в золото рамы поместил бутылочку водки, граненый стакан, а также бутерброд с колбасой. Галина Арнольдовна, увидев всё это, заботливо спросила супруга, всё ли в порядке у него с головой. На что ей Сан Саныч бодро ответил, что с головой у него полный порядок, но просто он решил стать свободным художником и для начала СООБРАЗИЛ арт-объект, который назвал «Размышления о жизни».

Галина Арнольдовна презрительно посмотрела на мужа, после чего

извлекла из золота рамы бутылочку водки и тут же безжалостно вылила ее в унитаз. А бутерброд с колбасой чуть позже она употребила за чаем.

Сан Санычу бутерброда было не жаль, а что касемо водки... Подобного варварского обращения с ценным продуктом Галине Арнольдовне простить он не мог, но злость свою выместил не на жене, а на ультрасовременном искусстве. Сан Саныч всем сердцем возненавидел модерн. Однако сегодня он перечить супруге не мог: сказалась вина за вчерашний Киевский торт.

В громаднейшем зале арт-галереи Галина Арнольдовна чувствовала себя словно рыба в воде. Она переходила от одной картины к другой, не забывая при этом их комментировать.

– Взгляни, Александр, как прекрасна эта мадонна! – говорила она, указывая на портрет жуткой бабы с гигантскими вислыми грудями и головой, словно чан. – Она олицетворяет женскую силу, которая сокрушит на своем пути все преграды!

Сан Саныч пугливо косился на жуткую рожу «мадонны», невольно соглашаясь с супругой, что эта бабища сметет на своем пути всё, что встретит.

Подобным манером они продвигались по выставке, покуда внимание Галины Арнольдовны не привлекли две картины. На каждой из них были нарисованы мужчина и женщина. Мужчина был с вилами и отрешенным лицом. Женщина на первой картине была с головой, которая что-то еще говорила мужчине. А на второй – ее говорящая голова уже красовалась на вилах.

Галина Арнольдовна какое-то время была в замешательстве, не зная, как комментировать эти картины. В конце концов она понесла какую-то чушь:

– Вот видишь, Александр, как остры эти вилы...

Проговорив это, мадам Мармеладова оглянулась на мужа и вдруг обнаружила, что он... куда-то исчез. В растерянности она стала озираться по сторонам и наконец отыскала супруга в другом конце зала.

Сан Саныч стоял к ней спиной бок о бок... с какой-то женщиной и оживленно с ней разговаривал. Лица этой женщины Галине Арнольдовне не было видно, однако она чем-то напомнила ей добрую продавщицу из вчерашней кондитерской. Галина Арнольдовна быстрым шагом заторопилась к Сан Санычу, желая получше рассмотреть незнакомку. Но та, словно чувствуя это, покинула Мармеладова и тут же затерялась в толпе.

– Кто эта женщина, Александр? – едва подойдя к «пропавшему» мужу, спросила Галина Арнольдовна.

– А черт ее знает, – отстраненно ответил Сан Саныч.

– Но ты же с ней говорил?

– Ну да, говорил. Она мне сказала, что эту вот ерунду, – Сан Саныч указал на некую инсталляцию, перед которой стоял, – придумать мог только дурак и алкаш. А я ей ответил, что дурак и алкаш – это я, поскольку идея моя... Я, собственно, и подошел к этой ерунде, чтобы как следует ее рассмотреть, – добавил он после некоторой паузы.

Галина Арнольдовна изумленно взирала на арт-объект, на который указал Мармеладов. Объект состоял из четверти самогона, о чем извещала небрежная надпись на ядовито-зеленой бутылки, огромного, соразмерно бутылки, стакана и муляжа бутерброда, которым можно было накормить взвод солдат. Всё это помещено было в золоченую раму. К валяжному золоту рамы корявым гвоздем был присобачен драный кусок фанеры с нетрезво-вихлястыми буквами: «Раздумья о бытие».

– И что же она тебе на это ответила? – Галина Арнольдовна наконец-то оторвала взгляд от объекта.

– Да ничего, – неожиданно улыбнулся Сан Саныч, – она рассмеялась и тут же ушла.

– Пойдем домой, Александр, – неожиданно заключила Галина Арнольдовна. – Пожалуй, на сегодня просмотр закончен.

Но Мармеладов вдруг изменился в лице и... медленно опустился на подиум инсталляции.

– Что с тобой, Саша?! – Галина Арнольдовна в момент позабыла свой наставительный тон.

– Да что-то вот сердце... Как тупая игла... Сейчас бы мне корвалолу.

– Тут рядом аптека. Я мигом, – и Мармеладова быстро, как только могла, направилась к выходу.

«Миг» у Галины Арнольдовны длился не менее четверти часа. Когда она возвратилась в арт-галерею, Сан Саныч уже сидел на скамейке для

посетителей, опустошенно уставившись взглядом на картину, которая волею случая оказалась как раз перед ним.

– Ну как ты? – с тревогой взглянула на мужа жена.

– Да вроде бы отпустило. Почти не болит.

– Нет, корвалолу ты все-таки выпей.

Галина Арнольдовна накапала корвалолу в приобретенный в аптеке стаканчик и налила в него купленной там же воды. Сан Саныч покорно выпил лекарство, после чего попросил:

– Гал, можно я еще посижу?

– Конечно-конечно! – поспешно с ним согласилась супруга.

Сан Саныч еще долго сидел и смотрел на картину, висевшую напротив него на стене. Галина Арнольдовна его терпеливо ждала...

Домой они возвращались уже на такси. На этот раз госпожа Мармеладова решила не экономить.

ПРОГУЛКИ САН САНЫЧА

Наутро Галина Арнольдовна спросила у мужа: «Как сердце?» Услышав в ответ, что сердце у Мармеладова «в полном порядке», она всё же заставила его выпить лекарство. За завтраком мадам Мармеладова попросила Сан Саныча доесть бутерброд, который он едва надкусил. Затем, уже убирая остатки еды в холодильник, Галина Арнольдовна попеняла Сан Санычу на плохой аппетит и в этой связи велела ему прогуляться. Похоже было, что последнее указание строгой супруги пришлось Мармеладову по душе. Он быстро оделся и, не задерживаясь

в квартире более ни единой минуты, отправился «подышать свежим воздухом».

Такие прогулки для Мармеладова давно уже стали привычными. Когда-то еще в начале супружеской жизни Галина Арнольдовна принялась слишком плотно его опекать. Сан Саныч стал чахнуть, как чахнет травинка, на которую навалился булыжник. Заметив это, мадам Мармеладова не на шутку встревожилась и стала доискиваться внезапной хворобы своего новоиспеченного мужа. Однако, увы, таковой не нашлось. Тогда она предложила Сан Санычу сходить к психиатру: «Возможно, тот что-нибудь посоветует». На это Мармеладов ответил жене, что он над этим подумает.

Сан Саныч думал недолго: всего один вечер, который провел в гараже с бутылкой вина и своим закадычным приятелем Колькой. Едва после первого стакана портвейна он в разговоре упомянул психиатра, как Колька прервал его и рассказал анекдот: «Приходит один псих к другому психу и говорит ему: "Здравствуйте, доктор"». После чего он попростецки спросил Мармеладова: «Ты, Сашка, псих?» Сан Саныч отрицательно покачал головой. «Тогда и делать тебе у психиатра нечего, – заключил Николай. – Ты лучше побольше гуляй. Причем без бабы. Один. Ты до женитьбы таким грустным не был».

Об этом «рецепте» не очень трезвый, а потому исключительно правдивый Сан Саныч в тот вечер поведал жене. Галина Арнольдовна сначала очень обиделась и даже слегка оскорбилась, но... поразмыслив немного, всё же согласилась с супругом: «Наверное, Александр, ты прав. Нам нужно иногда отдыхать друг от друга. Я тоже, бывает, от тебя

устаю».

Галина Арнольдовна теперь уже не только не возражала против «рекомендаций» приятеля Мармеладова, но даже настаивала на их неукоснительном исполнении.

Вот и сейчас она выпроводила мужа на очередную прогулку, после чего благополучно принялась за какой-то дамский роман. Роман показался ей интересным настолько, что она всё читала его и читала. И только по крайней нужде оторвавшись от книжки и сходя в туалет, она наконец соизволила взглянуть на часы, а взглянув, обомлела. Стрелки показывали уже два часа пополудни, а Мармеладов вышел из дома около десяти. Прогулка Сан Саныча, мягко говоря, затянулась.

Галиной Арнольдовной овладело жгучее беспокойство. Внезапно ей вспомнилась женщина в арт-галерее. Но... нет! Ее Мармеладов на супружескую измену навряд ли способен. Тогда оставалось одно: с ним что-то случилось ужасное. Воображение Галины Арнольдовны живо нарисовало Сан Саныча, лежащего в озерке из крови, а рядом с ним громадное колесо машины-гиганта – из тех, что в карьерах возят руду.

Галина Арнольдовна в отчаянии сжала в ладонях виски. Но вдруг ее осенило: «Да что же она! У ее Мармеладова телефон!» Она схватила свой сотовый, нашла в нем строку «Мармелад» и ткнула пальцем на вызов. Секунд через пять из прихожей донеслась знакомая трель телефона Сан Саныча. Он просто забыл его дома. «Нет-нет! С ее мужем что-то случилось! Куда-то ей надо звонить! Но куда?!» – Галина Арнольдовна растерянно смотрела в окно... Внезапно мелодия

дверного звонка заставила ее замереть. Но через мгновение она уже мчалась в переднюю.

– Ты где это был?! – слова, точно пули, вылетали из глотки Галины Арнольдовны, взбешенной расслабленно-добродушной улыбкой супруга.

– Гулял, – Сан Саныч взглянул на жену удивленно.

– Ты что-то слишком долго гулял! А сотовый почему не взял?!

– Забыл. Но это прогулке не помешало, – чуть-чуть с подковыркой ответил супруг.

Галина Арнольдовна едва не задохнулась от злости. Она не взяла, а буквально рванула протянутую Мармеладовым куртку и вдруг замерла... Куртка оказалась сухой!

– Гуляльщик! А почему у тебя куртка сухая?! Ведь дождь-то на улице шел!

– Я дождь переждал в магазине, – невозмутимо возразил ей Сан Саныч.

Ответ Мармеладова был ясен и прост, и потому еще больше усугубил досаду раздраженной Галины Арнольдовны. Она не повесила куртку супруга на одежные плечики, а буквально распяла ее. После чего вся в нервах мадам Мармеладова отправилась дочитывать дамский роман, надеясь, что он ее успокоит. Однако надежды ее не сбылись. В романе сюжет принял неожиданно жесткий излом: возлюбленный, до сих пор голубком ворковавший своей даме-голубке, внезапно и подло ей изменил. Галине Арнольдовне снова стала мерещиться женщина,

которую она видела с мужем в арт-галерее: «Да, может быть, Мармеладов не такой уж тюфяк, как ей всё это время казалось». Она швырнула книжку на стол и крепко задумалась о себе и супруге.

В тот день Галина Арнольдовна не сказала мужу ни слова о своих подозрениях. Но ревность, которая ранее тлела в ее душе, теперь разгоралась всё сильнее и сильнее. Ей не хватало лишь «хвороста» фактов, чтобы превратиться в пожар. И Мармеладов этот «хворост» вскоре подкинул.

КАРАНДАШ

На следующий день Мармеладов как ни в чем не бывало начал собираться на улицу.

– Ты это куда? – удивленно спросила Галина Арнольдовна.

Она полагала, что после ее вчерашнего нервного срыва сегодня супруг никуда не пойдет. Однако Сан Саныч взглянул на жену невинными глазами младенца:

– Как это куда? Конечно, гулять. Вчера ты сама меня выгоняла.

Галина Арнольдовна прикусила язык: возразить было нечего.

– Ну ладно, иди, – после паузы неохотно согласилась она. – Но только недолго и, пожалуйста, не забудь телефон.

На этот раз Мармеладов гулял часа эдак три. Но он постоянно отвечал на звонки своей законной жены и даже докладывал ей, где он находится в настоящий момент.

Отныне прогулки для Мармеладова стали как бы работой. И если

раньше Галине Арнольдовне иной раз приходилось выпроваживать мужа на улицу, то с этого дня он подолгу гулял даже в слякоть и дождь, но возвращался домой... с блаженной улыбкой и слегка как бы не от мира сего. Всё это Галине Арнольдовне чрезвычайно не нравилось. Блаженная улыбка супруга вызывала у нее подозрение, ревность. Последняя разъедала ей сердце, как ржа разъедает железо. Однако госпожа Мармеладова не решалась пресечь прогулки супруга, поскольку не сомневалась в их пользе для здоровья последнего. И всё же она не желала сидеть сложа руки. Поэтому после долгих и, нужно отметить, даже нелегких раздумий Галина Арнольдовна решила проследить за Сан Санычем и прояснить, где и как он «гуляет».

Однажды, когда Мармеладов собрался на улицу, мадам Мармеладова его проводила, затем очень быстро оделась и тоже вышла из дома. То, что она увидела, привело ее в шок: Сан Саныч не пошел, как должно на прогулке, пешком, а почему-то сел на троллейбус. Последовать за ним Галина Арнольдовна не решилась – она опасалась, что Мармеладов ее в салоне заметит.

Теперь госпожу Мармеладову терзала одна неотвязная мысль: куда мог отправиться ее муж на троллейбусе? Однако сообразив, что сыщик из нее никакой, она решила обратиться за помощью к профессионалу. Таким профессионалом, по мнению мадам Мармеладовой, был полицейский подполковник в отставке Семен Валерьянович Карандашов, которого все звали за глаза «Карандаш».

Признаться, госпожа Мармеладова недолюбливала Семена Валерьяновича. Ее откровенно пугал неестественно твердый его взгляд.

Однажды она спросила соседку про «нашего подполковника», глазами которого, казалось, можно было резать стекло, и та ей ответила, что «Карандаш во все дни пьян, а потому и взгляд у него такой твердо-алмазный». Тогда Галина Арнольдовна для себя сделала категорический вывод: с Карандашом ей общаться заказано. Но, как говорят, никогда не говори «никогда». И вот уже госпожа Мармеладова стоит у двери Семена Валерьяновича и жмет на продавленную кнопку звонка. Галина Арнольдовна всё жмет и жмет, а ей всё не открывают. Убрав наконец онемевший палец со звонка, она уже было собиралась стукнуть в дверь кулаком, как та неожиданно перед ней распахнулась.

Перед госпожой Мармеладовой восстал удивительно длинный и тонкий мужчина с коническим черепом и иконописно-суровым лицом. Глаза его стыло уставились в бесконечность, которая, видимо, ОБИТАЛА где-то поверх головы посетительницы. Галина Арнольдовна была ни жива ни мертва. Язык у нее обездвижил.

– Что вам? – наконец изрек Карандаш (а это был он), по-прежнему вглядываясь в невозможную бездну.

– Да мне бы... вот... – запинаясь, пробормотала госпожа Мармеладова, однако внезапно ее будто прорвало, и сбивчиво-торопливо она принялась излагать свою просьбу.

За время рассказа Карандаш не проронил ни единого слова. Он так же безмолвствовал, когда посетительница наконец закончила речь. Галина Арнольдовна растерянно посмотрела в окаменевшее лицо подполковника, как вдруг ее осенило. Она заговорщически оглянулась

по сторонам, после чего горячо прошептала:

– Я вам заплачу!

Доселе бесчувственно разглядывающие бездну глаза подполковника вдруг остро блеснули алмазом:

– С вас литр водки и пиво.

– Сейчас принесу, – с облегчением выдохнула Галина Арнольдовна.

Уже через двадцать минут она снова звонила в квартиру Семена Валерьяновича. На этот раз дверь моментально открылась. Карандашов заглянул в хрустально звенящий пакет, принесенный просительницей, и недоуменно спросил:

– А пиво?

Галина Арнольдовна смущенно зарделась:

– За пивом я еще раз схожу. Я просто не знала, какое и сколько. Вам десять литров, наверное, хватит?

Впервые суровое лицо подполковника смягчила улыбка:

– Не надо. По-моему, у меня еще оставалось.

Карандашов уже хотел закрыть дверь, однако просительница его упредила:

– Семен Валерьянович, а когда же ответ?

Дверь тут же застыла. В образовавшуюся щель сверкнули глаза подполковника.

– Сегодня, – ответил он Мармеладовой и, предвосхищая другие вопросы, ликвидировал щель.

Галина Арнольдовна долго стояла перед обшарпанной дверью и туго соображала: «Как это сегодня, если ее Мармеладов уже ушел на прогулку? Надул ее подполковник. Ей-богу, надул... А может быть, дело все-таки в пиве? – рука Мармеладовой потянулась было к дверному звонку, но... тут же безнадежно упала: – Да черт с ним, с Карандашом. Всё равно не поможет».

В тот день Мармеладов гулял аж пять часов кряду. Вернувшись домой, он не вошел, а скорее впал в дверной проем, чуть не повалив при этом супругу. Обескураженная и злая Галина Арнольдовна, едва не задыхаясь от жуткой пиво-водочной смеси, с трудом дотащила его до дивана. После этого, правда, с очень робкой надеждой она всё же отправилась к Карандашову. Семен Валерьянович дверь открыл сразу, как будто бы ее уже поджидал. Обдав посетительницу таким же, как у Сан Саныча, пиво-водочным перегаром, он отчеканил, словно делал доклад командиру: «Ваш муж ходит в арт-галерею, и там он общается с женщиной». После чего Семен Валерьянович дверь тут же захлопнул.

Галина Арнольдовна одеревенело стояла перед закрытой дверью. Она была ошарашена то ли сногшибательным перегаром, то ли тем, что сказал Карандаш. И только после того как одеревенелость немного прошла, мадам Мармеладова в глубочайшем раздумье побрела обратно в квартиру.

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

А утром Сан Саныч с помятой физиономией сидел на кухне и пил крепкий чай. Возле него на тарелке издевательски громоздилась гора бутербродов, «заботливо» приготовленных Галиной Арнольдовной. Конечно, Сан Саныч к ним не притрагивался. Жена очень долго молчала, иронично наблюдая за мужем, однако в конце концов не выдержала:

– Скажи, Александр, а с кем это ты вчера так накушался?

– Хороший человек угостил, – Сан Саныч потер рукой лоб, пытаясь унять тупую боль в голове.

– И этим хорошим человеком был Карандаш? – ирония Галины Арнольдовны достигла предела.

Сан Саныч тотчас позабыл о том, что у него болит голова, и удивленно уставился на супругу. «А ты-то откуда узнала?» – как бы говорил его взгляд.

– А с кем еще в нашем подъезде можно нажраться, как не с алкашом подполковником, – пренебрежительно отозвалась Галина Арнольдовна о Семене Валерьяновиче и тут же добавила без тени сомнения: – Ну уж сегодня ты, Александр, точно гулять не пойдешь.

– Пойду, – неожиданно твердо ответил ей муж, – на улице у меня голова перестанет болеть.

– Вот как! – немного даже растерялась супруга. – Ну что же, иди... Подыши свежим воздухом.

Сан Саныч ушел, а госпожа Мармеладова тотчас отправилась следом за ним. Галина Арнольдовна не очень-то верила Семену Валерьяновичу – ей временами всё же казалось, что этот отпетый алкаш ее обманул ради водки. При этом та фраза о женщине, которую произнес Карандаш, засела в ее голове точно гвоздь. Теперь этот «гвоздь» не давал ей покоя.

В арт-галерею мадам Мармеладова вошла в изрядном волнении. Возможно, сейчас она увидит своего Мармеладова с какой-то женщиной, возможно, даже с любовницей, конечно, если... Карандаш не соврал. Однако, пройдя раз, другой по обширному залу, Галина Арнольдовна не обнаружила своего «пропащего» мужа. То нервное возбуждение, которое до сих пор не отпускало ее, мгновенно переросло в презрительное и брезгливое чувство к Карандашову: «Все эти алкаши за бутылку мать родную готовы продать». Утешив себя этой мыслью, мадам Мармеладова (чтобы окончательно успокоить себя) решила еще раз осмотреть экспозицию.

Неспешно, фланирующей походкой она переходила от одного арт-объекта к другому, пока не приблизилась к инсталляции «Раздумья о бытие». На этот раз Галина Арнольдовна пожелала в деталях рассмотреть сей объект. Она стала обходить постамент с огромной бутылкой и граненым стаканом, которые, видимо, предназначались для алкаша-великана. Но пройдя не более половины пути, Галина Арнольдовна вдруг замерла в столбняке.

За постаментом ей открылась скамеечка – та самая, на которой отдыхал Мармеладов, когда она прибежала к нему с корвалолом. И всё

бы ничего, но на этой скамеечке спиной к ней сидел мужичок, ей до боли знакомый. Не веря глазам своим, Галина Арнольдовна тихо окликнула:

– Александр!

Сидящий на скамеечке вздрогнул и... оглянулся. Конечно, это был Мармеладов.

– Саша, – вновь позвала мужа по имени Галина Арнольдовна, так, как звала его крайне редко, когда почему-то за него опасалась. – Саша, что ты здесь делаешь?

Сан Саныч смутился и покраснел. Сейчас он был похож на мальчишку, которого ненароком застали за подглядыванием в женскую раздевалку.

– Смотрю вот... – произнес он потерянным голосом и указал на картину, неведомо как затесавшуюся в экспозицию модернизма.

С картины госпоже Мармеладовой приветливо улыбалась румяная, сдобная баба в цветном сарафане, который вздымали большие, красивые груди.

Какое-то время Галина Арнольдовна оторопело смотрела на сдобную бабу. Внезапно догадка уколола ее в самое сердце: «Так вот что за женщина, о которой мне говорил Карандаш!»

– Так значит, – она испытующе смотрела на мужа, – когда в прошлый раз я дала тебе корвалол, ты здесь сидел и смотрел на нее?!

Сан Саныч стал красен настолько, что даже уши его отдавали рубином.

– Так значит, смотрел... – с горечью повторила Галина Арнольдовна. – И ходишь ты не на прогулки, а к ней, поэтому и куртка у тебя во время

дождя такая сухая. – Она помолчала немного и категорически заключила: – Оставь эту женщину, Александр! Мы сейчас уходим домой!

Сан Саныч безропотно встал, еще раз взглянул на сдобную бабу и вслед за женой направился к выходу.

До дома всю дорогу супруги молчали. Однако в квартире, уже за обедом, Галина Арнольдовна взглянула на мужа с ироничной насмешкой, за которой скрывалась жгучая ревность:

– Так, может быть, ты в нее даже влюбился?

Тут Мармеладов в который раз покраснел.

– Влюбился... – скорбно вздохнула Галина Арнольдовна. – Ты, Александр, психически болен. Тебе непременно нужно к врачу.

– Не надо к врачу! Я здоров! – коньком-горбунком неожиданно взвился Сан Саныч.

– Ты здоров?! – казалось, что возмущению мадам Мармеладовой не будет предела. – Как может здоровый человек влюбиться в какой-то портрет! Тем более что на нем изображена вовсе не женщина, а просто... раскормленная свинья!

При этих словах Мармеладов окоченел на мгновение, затем неожиданно твердо сказал:

– Я к врачу не пойду!

Галина Арнольдовна как будто наткнулась на невидимую преграду и, изумленно взглянув на супруга, замолчала... до самого вечера. Но вечером она вновь принялась за обработку Сан Саныча, однако уже в

более мягкой и даже просительной форме:

– Ну, Саша, я прошу тебя, ходим к врачу.

В конце концов между супругами был заключен компромисс. Сан Саныч идет к психиатру, но лишь один раз. Взамен этой жертве (а это была несомненная жертва) Галина Арнольдовна покупает ему весьма недешевый коньяк.

ОЛИВКОВЫЙ ПСИХИАТР

Больных к психиатру было полно. По всей вероятности, с психическим здоровьем у народа было не очень. Сан Саныч присел возле какого-то очень толстого мужика, который всем своим видом напоминал ему разожравшегося бегемота. Минуту, а может быть две, сосед-бегемот и Мармеладов молчали, однако «бегемоту», по всей вероятности, так сидеть было скучно.

– Ты первый раз к психу идешь? – по-свойски спросил он Сан Саныча.

– Да, первый, – Мармеладов не без грусти кивнул головой. – А почему это к психу?

– А потому что все психотерапевты со сдвигом. На эту тему есть даже анекдот с бородой: «Приходит один псих к другому психу и говорит ему: «Здравствуйте, доктор».

Вся туша соседа заколыхалась от смеха: от пяток до плешивой макушки. Сан Саныч пугливо взглянул на него. Сосед-бегемот рассказал полузабытый им анекдот, который когда-то давно он слышал от своего приятеля Кольки.

– Ну, так уж и все? – стараясь казаться эдаким бодрячком, спросил он соседа.

– Да, все без остатка! Ты мне уж поверь! Встречаются и с сексуальным расстройством: ему баб не надо – подавай мужиков!

Галина Арнольдовна, до сих пор безучастно разглядывавшая казенную белую стену, встревоженно посмотрела на мужика-бегемота и вся обратилась во внимание. Однако в этот момент дверь в психкабинет слегка приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась оливковая рожа с глазами-маслинами. Оливковая рожа обвела глазами сидящих в ряд пациентов и, невыразимо коверкая простую и вкусную фамилию Мармеладова, произнесла:

– Муримулятов.

Сан Саныч озадаченно посмотрел на бегемота-соседа, но «бегемот» ему ответил таким же озадаченным взглядом. И только Галина Арнольдовна тотчас сообразила, что врач-психиатр вызывает Сан Саныча, и поспешно спросила:

– А можно я с ним?

Однако вопрос был обращен уже в пустоту: оливковая рожа из проема исчезла.

– Пойдем! – тогда обратилась Галина Арнольдовна к мужу. – Ты слышишь, нас вызывают.

Сан Саныч втянул голову в плечи и вслед за супругой прошел в кабинет. Конечно, он вовсе не ожидал, что его немедленно запеленают в

смирительную рубаху, но призрак ее почему-то маячил в его голове.

– Садитесь, пожалуйста, – оливковый врач указал коричневым пальцем на стул, но почему-то не Мармеладову, а Мармеладовой.

– Но доктор! – воскликнула в замешательстве Галина Арнольдовна. – Болен мой муж, а не я!

– Садитесь, пожалуйста, – покладисто предложил психиатр теперь уже Мармеладову.

Сан Саныч осторожно присел на самый краешек стула, стараясь держаться подальше от кучерявого доктора.

– На сто вы залуетесь? – сладчайший взгляд психиатра буквально прилипал к пациенту.

Сан Саныч раскрыл было рот, однако его опередила супруга:

– Он, доктор, каждый день ходит в арт-галерею и смотрит на одну и ту же картину.

– И сто нарисовано на этой картине?

– Какая-то толстая женщина, – мадам Мармеладова порозовела.

– Зенсина? – маслины-глаза кучерявого врача-психиатра еще больше замаслились и стали еще более липкими, однако смотрели они не на Галину Арнольдовну, а на Мармеладова. Внезапно оливковый доктор улыбнулся сладко и радостно: – А вы бы хотели, стобы он смотрел на музцину?

– Нет! – в глазах Галины Арнольдовны застыл тихий ужас.

– Да вы не пугайтесь. Я посутил. Вы не могли бы нас оставить вдвоем на минуту?

Галина Арнольдовна недоверчиво посмотрела на сладкую рожу врача, но всё же, помедлив, неохотно вышла из кабинета.

С Сан Санычем оливковый доктор беседовал один на один минут, может, десять. Когда Мармеладов появился из кабинета, лицо его было угрюмым и злым.

– Он просит тебя, – отрывисто бросил он своей второй половине.

С Галиной Арнольдовной врач общался значительно меньше, чем с ее мужем. Она вышла из кабинета очень расстроенная и крайне задумчивая. В руке ее были заполненные рецептурные бланки.

– Тебе? – спросил Мармеладов, указывая на рецептурные бланки.

– Нет, это тебе, – с какою-то отстраненностью в голосе ответила ему Галина Арнольдовна. – А для меня другие рецепты, – и вдруг, криво усмехнувшись, кивнула в сторону кабинета: – Ты знаешь, а он, по моему, голубой. С тобой точно сахар, а со мной как с собакой.

После врача Галина Арнольдовна затащила супруга в супермаркет, где накупила кучу продуктов. Это было всё то, чего она до сих пор избегала: колбасы, масло и сало, а также множество разных пирожных и булок.

– Да, это нам за месяц не съесть, – заметил Сан Саныч, распихивая купленное по пакетам и сумкам.

Галина Арнольдовна как-то странно на него посмотрела. Вернувшись домой, она разложила все продукты по тарелкам и блюдам и стала всё

это уплетать за обе щеки. Сам Мармеладов пил свой вечерний кефир, к которому за долгие годы супружеской жизни его приучила жена, и с изумлением взирал на ее гастрономический беспредел. В конце концов он не выдержал и спросил:

– Галочка, а как же твоя диета?

Галина Арнольдовна на это лишь что-то невразумительно промычала и махнула рукой, что, видимо, означало: «А ну ее к черту!»

СЕАНСЫ ПСИХОТЕРАПИИ

После посещения оливкового психиатра Галина Арнольдовна разительно изменилась. Пренебрегая диетой, которую она до сих пор неукоснительно соблюдала, она всё ела и ела, предпочитая продукты весьма калорийные. По-видимому, госпожа Мармеладова желала хотя бы немного поправиться. Однако ее организм этого никак не желал. Все высококалорийные продукты, которые она поглощала, через нее пролетали, как ветер проносится через аэродинамическую трубу. Характер ее становился всё более желчным, и вся эта желчь неизменно изливалась на мужа. К примеру, когда госпожа Мармеладова увидела в урне таблетки, прописанные мужу врачом, она для начала устроила ему жуткий скандал, затем стала эти таблетки растирать в порошок и подсыпать их в еду для «больного», как делают обычно для домашних животных.

Меж тем как-то незаметно пролетела пара недель, отпущенных оливковым психиатром на лечение своего пациента. Пора было нанести врачу повторный визит. И тут уже вполне ожидаемо Сан Саныч

пошел на попятную. Он заявил Галине Арнольдовне, что больше не ходит в арт-галерею глазеть на портрет сдобной бабы, а значит, здоров и идти к психиатру ему нет нужды. И вновь Галине Арнольдовне пришлось применить всё свое умение и хитрость, приобретенные за годы совместной жизни с супругом, чтобы убедить его всё же сходить «посмотреться». Однако и тут Мармеладов сумел настоять на своем: поставил условие, что он к психиатру пойдет один, без жены. Скрепя свое скорбное сердце, Галина Арнольдовна согласилась на это.

И вот наконец наступил тот нерадостный для Мармеладова день, когда ему снова необходимо было идти к оливковому врачу-психиатру. Он вышел из дома угрюмый и хмурый. Вернулся... с блаженной и совершенно дурацкой улыбкой. С такой же точно улыбкой Сан Саныч возвращался после своих недавних псевдопрогулок, во время которых он в арт-галерее так долго и тщательно разглядывал грудастую сдобную бабу.

– Скажи, Александр, что сказал тебе врач? – Галина Арнольдовна настороженно смотрела на мужа.

– Да, собственно, ничего. Я почти что здоров. Мне нужно только немного понаблюдаться.

– Вот как! – сдержанно удивилась Галина Арнольдовна. – И когда тебе снова к врачу?

– Да в среду уже.

– Как в среду?! Ведь сегодня уже понедельник! – всю сдержанность Мармеладовой сдуло, как ветром.

– Ну да, послезавтра, – оживился Сан Саныч, и вновь по лицу его разлилась та улыбка, которая у Галины Арнольдовны вызывала уже приступы страха.

В среду терзаемая подозрениями госпожа Мармеладова уже проследила за мужем и лично удостоверилась, что он вошел в психбольницу, а следовательно, ее не обманывал. Однако Сан Саныч явился домой всё с той же идиотской улыбкой и вновь сообщил, что он к врачу идет через день.

Галина Арнольдовна терялась в догадках, не понимая, что происходит. Ее Мармеладов, который едва ль не вчера категорически отказывался идти к психиатру, теперь посещал его с удовольствием! Сам! И больше того, домой он возвращался в таком состоянии, как будто, действительно, стал сумасшедшим. Невольно госпоже Мармеладовой вспомнился ее совместный с супругом визит в психбольницу. Оливковый врач с глазами как мед, которые липли к ее Александру... Да, неужели этот оливковый гад совратил ее мужа?!

Свою догадку Галина Арнольдовна решила проверить в постели. Уже поздно вечером, когда чета Мармеладовых легла спать, она голубкой проворковала супругу:

– Иди же ко мне, дорогой.

– Ты, Галочка, извини. Я устал, – ответил жене Мармеладов и повернулся к ней не то что спиной, а тем, что значительно ниже.

Подобный ответ шокировал Галину Арнольдовну. Уже совершенно не церемонясь, она положила ладонь на промежность супруга и с ужасом

обнаружила, что... усталость его не имеет границ.

Промучившись ночь, которую она провела почти что без сна, Галина Арнольдовна дождалась, когда муж уйдет в психбольницу, и тотчас отправилась в магазин, где закупились по полной водкой и пивом. Из магазина она напрямиком направилась к Карандашову.

Семен Валерьянович несколько не удивился внезапному появлению своей соседки по дому. Он молча, как должное, принял пакет, в котором мелодично звенели бутылки, и, по своему обыкновению, молча уставился в бездну, куда-то поверх головы посетительницы.

– Семен Валерьянович, можно обратиться к вам с просьбой? – обычно самоуверенная госпожа Мармеладова необъяснимо робела перед отставным подполковником.

Однако подполковник не отвечал, а только буровил взглядом пространство.

– Семен Валерьянович, – наконец осмелела Галина Арнольдовна, – мне кажется, что мой Мармеладов... – она взяла паузу на пару секунд и вдруг перешла на таинственный шепот, – что мой Мармеладов вступил в порочное ГИБДД-сообщество.

Кривая усмешка, точно сабельный шрам, исказила лицо подполковника:

– Ваш Сашка – слабак! Он пить не умеет. В ГИБДД его не возьмут, а вот в ЛГБТ – так за милую душу.

– Да-да! Конечно, в ЛГБТ! – испуганно спохватилась просительница. – Я перепутала! Они так похожи! Вы полагаете, что он вступил?

– Да это как два пальца об асфальт! Раз! И вступил!

У Мармеладовой упала слезинка.

– Ну-ну! – подбодрил ее Карандаш. – Посмотрим. Возможно, еще и в процессе. Зайдите-ка вечером. Я проясню.

И эти неожиданно добрые нотки, пробившиеся в голосе сурового «подпола», так сильно расслабили напряженную до предела Галину Арнольдовну, что слезы у нее полились рекой.

– Ну что же вы плачете. Я сказал, проясню, – совсем уже мягко повторил Карандаш, и дверь за ним потихоньку прикрылась.

На этот раз сеанс психотерапии Сан Саныча продолжался четыре часа. Галина Арнольдовна начала беспокоиться и даже собиралась ему позвонить, как вдруг ей почудилось, что в дверь кто-то тихо скребется. Ни кошек, ни котов в квартире отродясь не водилось. Хозяйка решила, что ей померещилось. Но странный звук повторился, теперь уже настойчивее, громче. Галина Арнольдовна распахнула квартирную дверь и... увидела супруга. Сан Саныч, как скошенный колос, лежал перед ней на коврике для вытирания ног. Галина Арнольдовна с огромным трудом втащила бесчувственное тело супруга в прихожую и, сообразив, в чем тут дело, немедленно побежала к Семену Валерьяновичу.

Карандашов дверь открыл моментально.

– Ну, что с моим мужем, Семен Валерьянович? Он – ЛГБТ или нет?! – Галина Арнольдовна даже задохнулась от спешки.

– Ваш муж не вступал ни в ГИБДД, ни в ЛГБТ. Но к психиатру он будет ходить и с удовольствием будет лечиться, – Карандашов замолчал и слегка покачнулся, но, выпрямившись, не замедлил закончить: – И тут уж с ним, гадом, ничего не поделаешь!

Галина Арнольдовна ожидала, что подполковник вновь подobreет. Но Карандашов резанул посетительницу глазами-алмазами и с силой захлопнул входную дверь у нее перед носом.

И снова слова подполковника ввергли в сомнения Галину Арнольдовну. С одной стороны, она с облегчением узнала о том, что оливковый врач всё же не совратил ее мужа. Однако с другой – ей было никак невдомек, что означала загадочная фраза Семена Валерьяновича: «Ваш муж с удовольствием будет лечиться». Но как бы то ни было, она в скором времени убедилась в справедливости слов подполковника.

КИЕВСКИЙ ТОРТ

После того как супруг в очередной раз отправился в психбольницу Галина Арнольдовна испытала душевный надлом. Ей стало абсолютно всё безразлично. Вот если бы случилось сейчас, что ее кто-нибудь грубо толкнул, она бы не ответила, а лишь отодвинулась в сторону.

Галина Арнольдовна тупо смотрела в окно. На тротуары, местами белесые от ночного мороза, на голые ветви деревьев, усеянные черными пятнами горластых ворон, на позднюю осень, которая наводила тоску и печаль. Какие-то вялые, ленивые мысли едва копошились в ее голове: «А может быть, плюнуть на всё и черт с ним с мужем. Пусть делает он всё, что желает. Пусть ходит глазеть на портрет

этой бабы-свиньи, якшается с ЛГБТ-извращенцами и пьет с этим алкашом подполковником. Да, плюнуть на всё! Ей уже надоело возиться с Сан Санычем, кормить его и оберегать от неприятностей, бед. Наверняка одной ей будет спокойней».

Не зная, куда себя деть, Галина Арнольдовна села на диван, на котором обычно читала. Случайно взглянула на висящий на стенке фотопортрет, который был сделан во время ее свадьбы с Сан Санычем. Там – молодая она в белоснежной фате и молодой Мармеладов в строгом черном костюме. И оба они улыбаются, однако совершенно разной улыбкой. Она – торжествующе-снисходительно. Он – как-то потерянно, как будто не совсем понимая, что с ним сейчас происходит. Внезапно Галине Арнольдовне вспомнилось, как всё это начиналось...

Четырнадцать лет уж тому назад в такой, как сегодня, колючий, нерадостный день она выходила из бутика с только что купленной норковой шубой и вдруг увидела... какого-то мужичка, уныло бредущего по тротуару. Он был неухожен, одет кое-как и чем-то напоминал ей брошенную кем-то собаку. Галина Арнольдовна вначале замедлила шаг, затем неожиданно для себя подошла к мужичку и предложила ему работу в своем магазине. Потом, уже дома, она корила себя: «Какая я дура! К себе в магазин пригласила какого-то нищелюда!» Когда-то давно, еще в прошлой жизни, Галина Арнольдовна преподавала историю и помнила заповедь одного хитромудрого лягушатника: «Не поддавайтесь первому чувству». «А вот она поддалась! Как будто черт ее дернул! Ну ладно, хватит казнить, – в конце концов решила Галина Арнольдовна, – разок проворуется – выгоню вон, как собаку. А может

быть, он и совсем не придет».

Сан Саныч пришел. Предъявил трудовую и оказался сотрудником номерного КБ, которое в ту лихую годину вдруг оказалось не нужным стране. Галина Арнольдовна взяла его грузчиком и наказала за ним «наблюдать». Но новый работник был честен, «как идиот» (по образному выражению служащих магазина). Конечно, тут ради справедливости нужно отметить, что после первой полочки конструктор-грузчик на несколько дней вдруг пропал. Но умудренная жизненным опытом Галина Арнольдовна немедленно приняла «необходимые меры» и стала ему выдавать зарплату раз в месяц. Сан Саныч слегка поершился, но вскоре смирился и стал очень быстро «расти»: уже через месяц Галина Арнольдовна повысила его до экспедитора-грузчика. Через полгода он стал ее замом. А через год хозяйка магазина настолько уверилась в бывшем конструкторе, что даже доверила ему «должность» своего мужа. «Приказ» о последнем высоком назначении Мармеладов подписывал в ЗАГСе.

С тех пор немало воды утекло. Чета Мармеладовых жила, в общем-то, очень неплохо. Правда, детей у них не было, хотя Галина Арнольдовна очень хотела ребенка. Но, как сказал врач, Бог ей не дал иметь. Тогда она всю свою не востребованную энергию обратила на воспитание мужа: «Ведь Саша, действительно, точно ребенок, и он без нее пропадет». Она этим воспитанием занималась все долгие годы замужества. И что же теперь? Остаться одной? Спать в холодной постели? Ну нет уж, простите! Она своего Александра не отдаст никому! Ни женщине! Ни каким-нибудь там извращенцам!

Всю вялость и тупое безразличие к жизни с Галины Арнольдовны сняло, как рукой. Она моментально оделась и тут же, не мешкая, вышла из дома. Мадам Мармеладова непременно хотела увидеть, как лечит ее Александра сладкоглазый оливковый врач.

В больнице Галина Арнольдовна без большого труда нашла кабинет, в котором однажды вместе с супругом была на приеме. Однако, подергав за ручку кабинетную дверь, она убедилась, что та заперта. Сначала Галина Арнольдовна удивилась. Но через секунду каленою пулей ей в голову ударила внезапная мысль: «Но если приема нет у врача, то где же ее Александр?!»

Воображение Мармеладовой разыгралось безмерно. Оно живописало ей гнусно-развратную оргию, в которой ее Александру отводилась весьма незавидная роль. Едва ль не минуту Галина Арнольдовна стояла столбом, напуганная бурным взлетом своей же фантазии, но все-таки взяла себя в руки и тотчас отправилась в регистратуру – узнать, действительно ли сегодня оливковый врач не принимает.

– Позвольте узнать, – проговорила она в окошко регистратуры, – психотерапевт в каком кабинете?

Белохалатная тетка оторвала глаза от бумажек:

– В десятом.

В мгновение ока Галина Арнольдовна впала в нирвану.

– Так значит, он все-таки принимает, – произнесла она с такой идиотской улыбкой, что даже тетка в окошке, выдавая всякие виды в стенах этой

неординарной больницы, взглянула на нее удивленно.

– Да, принимает в десятом, – немного помедлив, повторила она. – Вам по коридору налево.

Десятый кабинет Галина Арнольдовна отыскала в каком-то коридорном аппендиксе. На стульях возле него сидели несколько совершенно разных людей: по возрасту, полу и по одежде. Но всех их объединяло одно – они вели себя тихо, как мыши.

Галина Арнольдовна окинула взглядом бездвижно застывших людей и... не увидела среди них Мармеладова. И снова ее пробила нервная дрожь.

– Скажите, – отрывисто спросила она, – здесь принимает психотерапевт?

Однако присутствующие почему-то молчали. И только один молодой человек с тусклым взглядом как-то весьма неопределенно повел головой.

Подобный «ответ» в мгновение ока довел госпожу Мармеладову до точки кипения. Она схватилась за ручку, рванула кабинетную дверь на себя и... замерла, пораженная тем, что увидела.

Сан Саныч был там. Он глупо улыбался жене, как будто бы она застала его за чем-то не очень хорошим. А вот за столом сидел не оливковый врач – за ним восседала сдобная баба! Та самая сдобная баба, что была на известном портрете в известной арт-галерее, с таким же округлым румяным лицом и доброй, веселой улыбкой. Вся разница заключалась лишь в том, что баба портретная была в сарафане, а баба живая – в ослепительно-белом халате.

Галина Арнольдовна так была ошарашена видением бабы, сошедшей с портрета, что почему-то спросила весьма беспардонно и грубо:

– А где же оливковый врач?

Но сдобная баба в белом халате никак на нее не обиделась, напротив, ответила ей веселой улыбкой:

– Вы что ли к Омару? Он интерн, студент и был здесь на практике. Но вы не волнуйтесь. Я вас приму. Мы только вот чаю попьем, – и она указала на стол, где были две чашки и разрезанный Киевский торт, картонка которого красовалась в сторонке.

Какое-то время Галина Арнольдовна растерянно смотрела на торт, на картонку, на мужа, на сдобную бабу в белом халате, затем развернулась и вышла из кабинета, а выйдя, зачем-то взглянула на дверь. Там было на мелкой бумажке написано: «Врач-психотерапевт Любовь Александровна Краснощекова».

Сан Саныч лишь к вечеру вернулся домой. С супругой он не стал объясняться, но заявил ей, что этим днем подал заявление на развод...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошло десять лет, с тех пор как чета Мармеладовых развелась. Сан Саныч после развода сразу куда-то пропал. Галина Арнольдовна немало погоревала о разбитой семейной жизни. С годами горечь утраты всё же смягчилась. Супруга ей заменили множество кошек, ради которых она даже переехала на первый этаж. Жизнь ее потекла неспешно, серо и скучно. Казалось, так будет до старости с тусклым

взглядом невидящих глаз. Однако судьба человека порой совершает такие кульбиты, какие не снились и самым крутым каскадерам. Такой вот кульбит она уготовила и уныло бредущей по жизни Галине Арнольдовне.

Однажды... Какое прекрасное и многообещающее слово «однажды». С него начинаются все наши приключения в жизни. Однажды я в стельку напился. Однажды я сдуру женился. Однажды на голову мне рухнул сугроб. Однажды Галине Арнольдовне в дверь позвонили...

Галина Арнольдовна сделала удивленную мину, поскольку она никого не ждала, затем посмотрела в глазок и... медленно опустилась на пуфик, который служил ей для обувания туфель. На лестничной площадке в строгом костюме, с букетом цветов стоял Семен Валерьянович Карандашов.

Тут нужно отметить, что последнее время Галина Арнольдовна старательно избегала встреч с Семеном Валерьяновичем. После скоропалительного и для нее СОКРУШИТЕЛЬНОГО развода с Сан Санычем она своего соседа стала почему-то бояться. И теперь этот страх перед отставным подполковником сыграл с ней не очень хорошую шутку. Как кролик, полупарализованный гипнотическим взглядом удава, она поднялась на ватных ногах и отворила квартирную дверь. Однако Семен Валерьянович был совсем не похож на удава. Он протянул ей алые розы и, улыбнувшись, сказал:

– Галина Арнольдовна, я приглашаю вас прогуляться. Сегодня на улице солнце. В такую погоду сидеть дома грех.

И снова у хозяйки квартиры ослабли ноги в коленях. Присесть бы на пуфик, но пуфик стоит в стороне. Категорически отказать незваному гостю в прогулке, однако цветы были так хороши, а солнце, и вправду, так сияло в окошко... И губы Галины Арнольдовны как бы сами собой прошептали:

– Да, хорошо. Я только оденусь сейчас.

Семен Валерьянович согласно кивнул головой.

Галина Арнольдовна, точно в тумане, пошла одеваться. И этот туман окутывал ее всё время прогулки. Карандашов о чем-то ей говорил. Она ему что-то невпопад отвечала. Они шли по городу, всё шли и шли, и вдруг подполковник ни с того ни с сего спросил свою находящуюся в прострации спутницу:

– А может быть, мы с вами зайдем в арт-галерею. Когда-то вы очень любили сюда заходить?

Галина Арнольдовна оглянулась вокруг и с удивлением обнаружила, что, действительно, они оказались возле здания арт-галереи.

– Ну что же, зайдем, – безразлично пожала плечами она.

Семен Валерьянович открыл ей знакомую дверь. Галина Арнольдовна вновь оказалась в огромнейшем зале, который она в последний раз посещала вместе с Сан Санычем.

Арт-галерея встретила новых гостей хрипом и визгом саксофона. Саксофонист стоял на подиуме, который как остров возвышался над головами людей, и исполнял издевательски исковерканную «Серенаду

Солнечной долины». Под звуки искохабленной серенады на подиум поднялся некто в строгом черном костюме и, выждав, когда импровизированное джазовое «солнце» зайдет, начал речь:

– Дамы и господа! Мы здесь собрались для того, чтобы чествовать одного из самых ярких художников двадцать первого века, гений которого сравним с такими титанами модернизма, как Марк Шагал и Василий Кандинский...

Галина Арнольдовна совершенно не слушала выступление оратора. Туман, окружающий ее всё это время, вдруг рассеялся, и она с неожиданным для себя интересом стала оглядывать огромный зал, в котором не была долгих десять лет: «Вот та картина со сдобною бабой, на которую ходил смотреть Мармеладов. Как это странно, что она до сих пор сохранилась. А инсталляции, идея которой была «похищена» у Сан Саныча, теперь уже нет. Где-то сейчас ее Александр? Чем занимается? Женат или нет?»

Галина Арнольдовна с головой погрузилась в воспоминания о своем бывшем супруге. А выступающий всё говорил, говорил... Но вот он выдержал паузу, на время которой в зале зависла неестественно мертвая тишина, и вдруг не сказал, а, пожалуй что, выкрикнул:

– Слово предоставляется великому мастеру постмодернизма Александру Александровичу Мармеладову!

Хрустальная оболочка воспоминаний, которая отсекала Галину Арнольдовну от внешнего мира, вдруг вдребезги разлетелась, как будто по ней ударили молотом. С испугом и изумлением она взглянула на

подиум и увидела... какой-то нелепый пунцовый костюм и только затем облаченного в него, чрезвычайно знакомого ей мужичка, который неловко поднимался к оратору. Галина Арнольдовна перевела взгляд на Семена Валерьяновича с мольбой подтвердить, что это, действительно, ОН! Семен Валерьянович ей улыбнулся и кивнул головой. И этот кивок, и эта улыбка могли означать лишь одно: «Конечно же, да! Это твой Мармеладов! И больше того, я привел тебя в арт-галерею, чтобы ты увидела его!»

В глазах у Галины Арнольдовны помутилось...

Очнулась она уже в «скорой». Над нею склонилось доброжелательное лицо медсестры:

– Ну наконец-то. А то мы уже стали за вас слегка беспокоиться. Вы потеряли сознание от нехватки свежего воздуха. Мы вас отвезем, но не в больницу, домой.

Семен Валерьянович, который ехал в этой же «скорой», сопровождал Галину Арнольдовну до входа в квартиру. Привычная обстановка ее успокоила. Она попила чайку и, приласкав своих кошек, взялась читать дамский роман. Так за романом Галина Арнольдовна и задремала.

Ее разбудил знакомый звук из прихожей. Какая-то кошка, по-видимому, нагулявшись на улице, скреблась в квартирную дверь. Галина Арнольдовна подняла с пола книжку, которую уронила во сне, и с этой книжкой поплелась впускать кошку. Зевая, она открыла квартирную дверь и... дамский роман снова выскользнул из ее ослабевшей руки. Подобно кленовому листу, принесенному к порогу ненастьем, в

багряном плаще на площадке лежал в стельку пьяный гений постмодернизма Александр Александрович Мармеладов...

Не сразу оправившись от столбняка, в который ввел ее вид мертвецки пьяного Мастера, Галина Арнольдовна, как когда-то, в прежние годы, втащила Сан Саныча на семейный диван, раздела его и, укрыв теплым пледом, присела на краешек кресла у его изголовья. Так и застал их рассвет. Сан Саныча, завернувшегося в плед, словно в кокон, и сладко похрапывающего на широком диване, и дремлющую в кресле Галину Арнольдовну с блаженной улыбкой на усталом лице.

Тверь – Кукурузный – Початок–Тверь. 7.05.2023 г